

КОНФЛИКТ КАПИТАЛА И ИНТЕЛЛЕКТА: тренды предстоящего десятилетия

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ № 07N-4Q-KH

www.copytrust.ru

Оноприенко В.И.,

<http://www.famous-scientists.ru/4531/>

доктор философии (Grand PhD), к.э.н., профессор

Аннотация

ТВОРЦЫ НОВЫХ ЗНАНИЙ - новые формы социального сотрудничества «Викиномика» – производные от названия самой популярной любительской энциклопедии Интернета. У информационного пролетариата появился доступ к средствам производства, эти средства есть у самих работников, а не только у владельца предприятия. Рабочий без станка был никому не нужной трудовой единицей. «Информационный пролетарий» все свое имеет при себе – и выполнять свою работу может как в офисе, так и дома, а при наличии мобильной связи и ноутбука – практически везде и всегда. Противоречия между новыми социальными группами – сверхбогатыми, «золотыми воротничками», «новыми пролетариями» и «низшим классом. Ширятся формы некоммерческого сотрудничества между людьми, появляются все новые способы обойти ловушки монополистов. Идеологии – религиозные и социальные – могут стать прибежищем для всех, кто устал от цинизма повседневности. Новые интернет-технологии дали уникальную возможность концентрации усилий миллионов. «Информационный пролетариат» коммуникативен и объединен между собой.

Ключевые слова

киберпролетарий - cybertarian, middle class proletariat или «постиндустриальный пролетариат», работник интеллектуального труда – knowledge-worker, knowledge-producing workers и knowledge-using workers – производящих знания и использующих их.

Капитализм вырастил себе нового могильщика.

Среди разнообразных футурологических прогнозов – о вживлении в мозг человека электронных чипов, росте городского населения и связанном с этим

ухудшением криминогенной обстановки в мегаполисах, оружии на основе электромагнитного импульса – прозвучала весьма интересная информация о формировании нового революционного класса, который будет привержен марксистским идеалам всеобщего равенства. Похоже, что призрак коммунизма по-прежнему беспокоит западный истеблишмент. Но призрак этот, как и весь остальной мир, серьезно модернизировался со времен Маркса. И если основой революции индустриальной эпохи был рабочий класс – тот самый марксов пролетариат, то движущей силой потенциальных революций постиндустриального мира станет, по мнению британских военных аналитиков, «middle class proletariat» или «постиндустриальный пролетариат» – средний класс наемных профессионалов, белые воротнички, занятые умственным, информационным трудом. А инструментом борьбы станет (что вполне логично) информационная сфера. «Представители средних классов могут объединиться, используя доступ к знаниям, материальным и духовным ресурсам, личный опыт, чтобы сформировать межгосударственные движения, способные проводить их интересы», – утверждает в докладе. Но чем же может быть недоволен этот слой современного общества – имеющий неплохую материальную базу, убежденный в своей незаменимости для современных бизнес-технологий, преодолевший вечное противоречие между самореализацией и тяготами наемного труда, являющийся главным ресурсом современной информационной экономики и «священной коровой» всех теорий постиндустриализма? Да еще недоволен до такой степени, чтоб замахиваться на революционные преобразования действительности? Для того чтобы лучше это понять, нужно сначала повнимательнее всмотреться в стремительную эволюцию «нового пролетариата», произошедшую во второй половине XX века. Постиндустриальное общество, сложившееся в западных странах, Японии и наиболее развитых экономически и информационно регионах «новых индустриальных стран» (в частности, мегаполисах) обладает рядом общепризнанных черт. Уже в 50-е годы основные черты постиндустриализма были понятны и предсказаны его теоретиками. Главное – это превращение новых знаний, информации и методов их использования в основной экономический ресурс. Примитивное понимание этой информационной революции и по сей день состоит в представлении об усилении технологического компонента всех видов человеческой деятельности, повышении роли компьютерных технологий. Все это действительно имеет место, но «новые технологии» – это не только новые технические новинки, это и новые

методы управления организациями, и новые способы коммуникации между людьми. Это, в первую очередь, изменения в образе мышления, а не в области науки и техники. Второй объективной причиной выхода на мировую сцену «белых воротничков» и схода с нее «синих» – промышленных рабочих, стали структурные экономические сдвиги, связанные с превращением сферы услуг в главную сферу занятости и производства ВВП. В результате на место классического фабричного пролетариата пришел пролетариат новый. Появились занятые по найму профессионалы – с более высоким уровнем образования, занимающиеся менее обременительным с физической точки зрения и в большей степени умственным трудом. Сначала таких работников гордо называли «работник интеллектуального труда» – «knowledge-worker», что предполагало их ориентированность на оперирование информацией и знаниями, высокую мобильность, желание заниматься деятельностью, открывающей широкое поле для самореализации и самовыражения. Однако ясно, что высококвалифицированный программист, менеджер-управленец и администратор ресторана, хотя формально и могут быть отнесены к «новому пролетариату», все-таки являют собой весьма разные виды работников. Это различие нашло отражение в дальнейшей классификации нового класса. Появились термины knowledge-producing workers и knowledge-using workers – то есть производящих знания и использующих их, разделение на интеллектуальных работников, технический персонал (data workers) и лиц, осуществляющих первичную переработку полученной информации (information workers), и даже более концептуальное деление на интеллектуальных работников и работников потребительского сектора (consumption workers). За хитросплетением терминов, тем не менее, не раскрывается главное различие: новый пролетариат делится на тех, кто занят творческим трудом, и тех, кто осуществляет хотя и умственную, но все же рутинную деятельность. Рядовых работников такого ментального конвейера у нас уже давно называют «офисным планктоном». Старый анекдот о том, что физику для работы нужна лаборатория, математику – ручка, а философу не нужно даже ручки, теперь уже вовсе не выглядит шуткой. Интеллектуальным работникам – будь то управленец, инженер или дизайнер – по сути, для работы не нужно ничего, кроме компьютера, да и тот порой служит лишь как вторичный инструмент реализации идей, которые сами по себе могут быть легко записаны на листке бумаги или же вообще остаться идеями – в уме их автора. Выражаясь языком «Капитала», у информационного пролетариата появился доступ к средствам производства, эти средства есть у

самих работников, а не только у владельца предприятия. Рабочий без станка был никому не нужной трудовой единицей. «Информационный пролетарий» все свое имеет при себе – и выполнять свою работу может как в офисе, так и дома, а при наличии мобильной связи и ноутбука – практически везде и всегда. Традиционные схемы коллективной работы в одном помещении, по-прежнему распространенные даже в информационном секторе, имеют для него скорее дисциплинарную и организационную функцию. Способность к самостоятельному принятию решений, поиску новых идей, обучению и эффективным коммуникациям – все это современный бизнес хочет получить от наемного профессионала. При этом понятно, что эти качества отнюдь не способствуют превращению человека в корпоративный винтик. Не растит ли капитализм, выражаясь словами Маркса, себе нового могильщика?

ЧЕМ НЕДОВОЛЬНЫ КИБЕРПРОЛЕТАРИИ?

Между интеллектуальным работником и его хозяевами идет незримая борьба за власть, но не за власть в прямом смысле слова – тут все и так понятно, для любого творческого работника существует графа штатного расписания, формальные обязанности и субординация. Борьба идет за власть смыслов. Знаменитый теоретик постиндустриализма М. Кастельс писал, что «новая власть заключена в информационных кодах и в репрезентативных образах, вокруг которых общества организуют свои учреждения, а люди строят свою жизнь и определяют свое поведение; эта власть сосредоточена в человеческом сознании». Если корпорация сможет убедить работника, что он работает не только ради роста прибыли владельцев бизнеса, но и ради неких благих целей, делает вместе со своей компанией мир лучше, интереснее и т.д., то «выиграет» корпорация, поскольку работник будет трудиться уже не только за деньги, но и «за идею». С другой стороны, если труженик интеллектуальной нивы сможет убедить компанию, что ей не обойтись без его навыков и личностных качеств, то теперь уже ему удастся продать свой нематериальный актив, и вполне возможно – по цене выше среднерыночной при удачных обстоятельствах. Как правило, компромисс устраивает обе стороны. Понимая, что поощрение творческих качеств работников способно принести серьезную выгоду, современные компании могут предложить работнику хороший соцпакет, комфортабельные условия труда, организацию досуга, минимизацию формальностей – модный сегодня демократизм в стиле офисной одежды и общении с подчиненными. Работник

вроде бы должен быть вполне доволен – ведь трудится он все-таки не в кабальных (по крайней мере, внешне) условиях. Особенно важно, что сегодня бизнесу нужны от наемного специалиста не только профессиональные качества, но и личные. Если работник не привнесет в свою деятельность энтузиазм, творческую энергию, положительные эмоции и умение общаться – во многих случаях это серьезно понизит отдачу от его труда. Да и производить чаще всего нужно не конкретный информационный продукт, а неосязаемые вещи – эмоции, технологии общения, статус. Именно этим заняты многочисленные специалисты по рекламе, маркетингу и PR. То же касается и умения работать с Интернетом, используя все возможности новых сетевых технологий. Недаром на Западе появились аналоги термину «работник интеллектуального труда» (knowledge-worker) – «работник душевного труда» (souletarian) и «киберпролетарий» (cybertarian). Оптимисты уверяют: вот он – капитализм с человеческим лицом, преодоление протестантской этики необходимого тяжелого труда. Некоторые теоретики приходят к выводам, что «работники интеллектуального труда не ощущают, что их эксплуатируют как класс» (П. Дракер). Однако райская идиллия существует лишь на страницах рекламных бизнес-проспектов, где увлеченные своей работой профессионалы с лучезарными улыбками демонстрируют свое неумное желание эффективно трудиться. Даже если сами труженики информационной эпохи не чувствуют глобальных проблем, довольны дружественной по отношению к ним обстановкой на работе, а также уверены, что получают достойное вознаграждение за любимое дело – в недрах нового постиндустриального мира назревают серьезные классовые противоречия.

СВЕРХБОГАТЫЕ РАЗДРАЖАЮТ «БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКОВ»

Почему же «работники знаний» могут оказаться в эпицентре потенциальных социальных катаклизмов? Причина – их растущий отрыв от двух других классов постиндустриализма – новых богатых (сверхбогатых) и новых бедных (низший класс). Именно этот разрыв и вызывает недовольство «новых средних». Вот как об этом сказано в упомянутом докладе британского Минобороны: «они будут недовольны большим разрывом с богатыми слоями и ростом люмпенизированных городских слоев, которые подрывают общественный порядок». Тенденция последних тридцати лет во всем мире неутешительна – бедные беднеют, а богатые – богатеют. Причем разрыв между крайней бедностью и личным сверхбогатством растет с каждым годом. В 2006 году журнал Forbes насчитал в

мире почти тысячу миллиардеров, совокупно владеющих почти 3,5 триллионами долларов. Личные средства этих сверхбогатых легко могут перевесить бюджеты целых стран с населением в сотни миллионов человек. Исследователи утверждают: в руках 0,25 населения планеты сегодня сосредоточено столько же активов, сколько у остальных 99,75%. Согласно отчету ООН, опубликованному в 2006 году, один процент мирового населения состоятельных людей владеет сорока процентами мировых активов. В основном это не унаследованный капитал, а «новые» деньги, полученные от финансовых спекуляций и распродажи природных ресурсов. Разумеется, даже самым высокооплачиваемым наемным профессионалам со сверхбогачами не тягаться. Однако разрыв заработных плат не менее впечатляющ – если в 70-е годы директор предприятия в США в среднем зарабатывал в 40 раз больше своего среднестатистического работника, то уже в 1997 году средний доход руководителей крупнейших американских компаний превышал среднюю заработную плату их персонала более чем в 300 раз. И этот разрыв только растет. Еще одна сфера, порождающая «новых богатых» – шоу-бизнес. Глянцевая пресса регулярно публикует сведения о гонорарах «звезд» кино, музыки и моды. Причем, опасность для разжигания классовых конфликтов представляет, по мнению британских аналитиков, именно демонстративность этого скороспелого богатства. Мировая финансовая элита редко появляется на страницах прессы, ее имена известны, что называется «в узких кругах». А вот постоянные напоминания о том, что популярная киноактриса приобрела роскошную виллу или очередную обновку стоимостью больше, чем среднегодовой заработок «информационного пролетария», способны сильно подорвать веру в прогрессивное всемирное «общество знаний». Среди «нового пролетариата» тоже постепенно сформировалась своя элита, возник и соответствующий термин – «золотые воротнички». Наемные руководящие менеджеры госструктур и крупных компаний, особенно транснациональных, владельцы высокотехнологичных бизнесов, начинавшие как обычные специалисты, высокооплачиваемые консультанты по менеджменту, маркетингу и рекламе – одним словом, преуспевающий авангард глобализации. Космополитичный образ жизни, победа в конкурентной борьбе, успех собственных проектов и соответственно, максимизация собственных доходов составляют главные ценности «золотых воротничков». Теоретически, наиболее успешные «новые пролетарии» могут пополнить их ряды. На практике же «сменить» цвет воротничка удастся единицам. Класс сверхбогатых и его наиболее высокооплачиваемый

«золотой» обслуживающий персонал представляют собой довольно замкнутый мир, даже в собственных странах куда более далекий от подавляющего большинства сограждан, нежели любое иностранное государство.

ПОРОК СИСТЕМНОЙ БЕДНОСТИ

На другом конце социальной шкалы находится растущий с каждым годом класс новых бедных. Казалось бы, бедность существовала всегда, и были времена, когда масштабы ее были намного больше. Но XX век, особенно послевоенное развитие западных стран, внушало оптимизм. Однако в 70-е годы XX века эти страны переориентировались на более либеральную модель в экономике. В результате к середине 80-х все успехи по повышению уровня жизни населения, достигнутые за послевоенный период, свелись на нет. Зарабатывать деньги стало труднее. «Информационная революция» 90-х в купе с глобализацией этих проблем не решила – ускорившийся технологический прогресс только еще больше обесценивает неквалифицированную рабочую силу, а перенос производств из США и Европы в развивающиеся регионы еще сильнее снижает потребность экономики в собственных рабочих руках. Бедные слои населения во всем мире – это, как и в России, далеко не только «деклассированные» люди – хронически безработные, уличная преступность, бросившие школу подростки-наркоманы, «бомжи», алкоголики и т.п. К несчастью, бедными часто оказываются люди, имеющие работу, но при этом лишенные фундаментальных социальных благ, не нашедшие себе места в новом мире. Отличие нынешней бедности от прошлой состоит в том, что она является системной. Ее нельзя преодолеть каким-либо одноразовым перераспределением материальных благ (как в случае имевших место в истории революций). Сама экономическая структура постиндустриальной экономики, давая шанс одним, лишает его других. Раньше таким шансом были деньги, и теоретически любой бедный, например, получив наследство, мог войти в более высокую прослойку – став буржуа. Однако для того чтобы войти в новый средний класс, нужны не деньги, а образование и знания. Это ресурс, который невозможно получить одновременно, и кроме того, не получив его в молодости, наверстать упущенное крайне сложно, если не невозможно. Тридцатилетний безработный без высшего образования, десять лет «перебивавшийся» случайными неквалифицированными заработками, уже никогда не станет инженером, управленцем, даже обычным рабочим на современном предприятии – поскольку это требует все большего уровня

образования и опыта. Хуже всего то, что бедные не могут дать образования детям (в условиях, когда оно платное)– и возникает замкнутый круг, «потомственные бедные», лишенные возможности выйти из своей социальной прослойки. Вообще, платное образование как таковое способствует жесткой стратификации общества. Обучение престижным профессиям стоит заведомо дорого, и получить их для подавляющего большинства граждан становится невозможным. Поэтому единственным реальным «социальным лифтом» является не выдача кредитов на учебу, а бесплатное образование. Три новых класса, казалось бы, напрямую интересы друг друга не задевают. Каждый живет своей жизнью. Но проблема в том, что бедность требует от государства серьезных социальных расходов. Средства на это можно получить за счет увеличения налогов на корпорации. Но вот беда – наиболее успешные и большие компании давно уже стали транснациональными, и с учетом глобализации без проблем могут перенести производство в более «выгодные» страны. То же касается и «сверхбогатых» – они могут быть гражданами любого государства. Миграция капиталов в условиях глобализации не представляет никакой сложности. «Зажимать» в налоговых тисках свои корпорации тоже не выгодно никакой стране. Зато от новых налогов точно не скроется среднему национальному бизнесу и среднему классу, который занят в секторе сервисных услуг и информационной сфере. Именно за его счет государство будет содержать на пособиях и дотациях «нижний класс». Именно на «средних» ляжет бремя поддержания трещащей по швам системы социального страхования и увеличивающихся госрасходов. У среднего класса это не может не вызывать недовольства. Так, в Великобритании, уже сейчас, чтобы разрядить общественную напряженность, разрабатывается комплекс мер по уменьшению бремени налогообложения на средний класс и с интересом изучаются предложения обложить налогами богатых иностранцев.

ЗНАНИЯ, КОТОРЫЕ РАЗДЕЛЯЮТ

Хотя само по себе построение «общества знаний» – вполне благородная цель и действительно открывает массу новых возможностей для наиболее способных и мобильных, однако для многих других коктейль из информатизации и глобализации оказывается не таким приятным на вкус. Противоречия между новыми постиндустриальными классами могут обостряться и не только в связи с чисто экономическими мотивами, описанными выше. Ранее предполагалось, что западное общество успешно справилось с призраками классовой борьбы,

поскольку «обуржуазило» большую часть населения. Но даже если у «новых бедных» есть крыша над головой, телевизор и холодильник, постиндустриальное общество не становится от этого эгалитарным и гармоничным. Появился новый признак, помимо материального благосостояния, жестко разделяющий людей. У рядового конторского служащего наших дней, сидящего весь день за монитором компьютера, где сменяют друг друга электронные документы, e-mail-ы, новости и приветы от друзей по ICQ, гораздо больше общего с генеральным директором своей фирмы, нежели с более «близким» ему по размеру зарплаты прорабом со стройплощадки. Признак принадлежности к новому классу – не уровень доходов, а сфера деятельности. Даже в промышленном производстве рабочий, управляющий станком с помощью компьютера, – это уже далеко не брат-близнец своего предшественника, собственноручно точившего детали из болванок. Ряд исследователей использует для описания новых реалий термин «меритократия» – то есть ситуация, когда наибольший вес в обществе имеют люди, отличающиеся своими достижениями, способностями и профессиональной компетентностью, а не социальным происхождением или приписываемым статусом. Это, конечно, идеализированный взгляд, но огромную роль специалистов-профессионалов в современной экономике отрицать не приходится. Отличительной чертой «меритократов» является то, что трудятся они не только и не столько ради материального вознаграждения, но и в очень большой степени ради самореализации. В частности, у высокооплачиваемых профессионалов даже потребление становится одной из форм самореализации – одежда, бытовая техника, «гаджеты», автомобили приобретаются с обязательным учетом имиджевой составляющей. Важно также доказать свои качества как уникальной личности и профессионала. То есть в благоприятных условиях новым средним классом в той или иной степени часто движут так называемые постматериальные мотивы. В то же самое время масса населения находится совершенно в противоположной ситуации, для них дверь в «общество знаний» с его возможностями закрыта. Это два разных мира, две разные ценностные установки. В России, что интересно, противопоставление «меритократов» остальной части общества имеет некоторую историю – советские «меритократы», техническая и гуманитарная интеллигенция, довольно четко понимали свое отличие от «простого народа», хотя далеко не всегда могли похвастаться финансовым превосходством (вспомним знаменитые образы «бедного инженера» и «продавщицы с брильянтами в ушах»). Кроме того, все шире распространяется

так называемое «цифровое неравенство» – то есть неравный доступ к современным информационно-коммуникационным технологиям. Раньше (и в России в том числе) считалось, что преодолеть цифровой разрыв можно максимальной «компьютеризацией» домохозяйств, учреждений, школ. Однако домохозяйка, читающая в сети новости светской жизни, школьник, «скачивающий» чужой реферат, и служащий, от нечего делать заходящий в рабочее время на порносайты, – нисколько не используют те возможности, которые дают новые технологии. Техника сама по себе никаких подарков ее пользователям не преподнесет – а для освоения знаний нужна собственная инициатива. Фактически, в условиях постиндустриализма (какая бы судьба ни ждала его в дальнейшем) все дороги открыты только для тех, кто образован, обладает интеллектом, стремится к новым горизонтам и достаточно мобилен для приспособления к быстро меняющейся жизни.

РЕСУРСЫ «ВОССТАНИЯ КЛЕРКОВ»

«Пусть даже постиндустриальный средний класс чем-то недоволен и считает себя “новой аристократией”, как это может на практике повлиять на общество и государство?» – спросит скептически настроенный читатель. Недооценивать мирных «белых воротничков» не стоит. Разумеется, они не устраивают уличных шествий и драк с силами правопорядка. Но не надо забывать, что революции происходят в первую очередь в умах. Показателен здесь опыт Советского Союза. Советские служащие – клерки, инженеры, сотрудники многочисленных НИИ – тоже были заняты интеллектуальным трудом, и точно так же в силу полученного образования и образа жизни обладали достаточно критичным взглядом на окружающую действительность, которой были далеко не всегда довольны. Именно они и стали «движущей силой» смены режима – как те, кто участвовал в этом реально, посещая митинги и т.п., так и те, кто просто молча одобрял происходящее (существует даже хлесткий вариант названия «бархатной революции» 1991 года в СССР – «восстание клерков»). А ведь заметим, никакого Интернета с его мгновенным распространением идей и блогосферы, ставшей «агорой» информационного века, тогда не было. Роль информационных социальных сетей вообще представляется ведущей для любых постиндустриальных революций. Не зря в докладе британских военных аналитиков говорится о том, что как новый пролетариат, так и любые другие «недовольные» будут в первую очередь использовать для координации своих

действий Интернет, а такая невинная, на первый взгляд, форма абсурдистского поведения интернет-пользователей, как флэш-моб, будет взята на вооружение всеми постиндустриальными революционерами и террористами. Тем более, что формы совместной интернет-активности тысяч, а сегодня уже и миллионов людей становятся все совершеннее. На Западе уже появился термин «оружие массового объединения». Такие примеры, как YouTube, Wikipedia, Linux показывают – совместная работа огромного количества людей во всем мире на безвозмездной основе и при абсолютной территориальной удаленности друг от друга не просто возможна, она сверхэффективна. «Википедия» сегодня популярней, чем «Британника», блоггеры – чем CNN, карты Google, уточняемые пользователями, – чем официальные карты», – описывает эту «эру любителей» Дон Тапскотт в своей книге «Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything», называя эти новые формы социального сотрудничества «Викиномикой» – производным от названия самой популярной любительской энциклопедии Интернета. В обсуждаемом докладе британского Минобороны делается аналогичный, неутешительный для традиционных СМИ прогноз – их аудитория (это касается и интернет-СМИ) будет неуклонно падать. Уже сейчас самые популярные мировые блоги имеют ежедневную посещаемость, превышающую ежедневные тиражи самых популярных газет. Непосредственный доступ к самой свежей информации и комментариям очевидцев – еще один немаловажный фактор для «идейного объединения». Забавно, что еще совсем недавно крах марксистской идеологии предрекался в том числе и потому, что неминуемость пролетарской революции в рамках марксистской теории объяснялась сверхконцентрацией пролетариата, а во второй половине XX века, мол, и пролетариат не тот, а главное – «пролетариат умственного труда» не только не сконцентрирован, но и не имеет ни малейшей тенденции к концентрации. Однако все вышло совсем по-другому. Новые интернет-технологии дали такую возможность концентрации усилий миллионов, какая и не снилась отцам прошлых революций. «Информационный пролетариат» куда более коммуникативен и объединен между собой, чем когда бы то ни было.

ДИАГНОЗ МИРУ ПОСТМОДЕРНА

Допустим, в руках у «белых воротничков» есть мощный инструмент информационного взаимодействия. Но почему прослойку людей, очевидно являющуюся плодом либерального идеологического «воспитания», вдруг должны заинтересовать идеалы всеобщего равенства? В британском оборонном

ведомстве считают, что «неустойчивость моральных принципов и приверженность прагматическим ценностям в современном мире приведут к тому, что люди начнут искать прибежище в религиозной ортодоксии или доктринерских политических идеологиях, таких как марксизм, которые смогут обеспечить их более жесткой системой взглядов». Иными словами, проблема коренится не только в экономической, но и в психологической сфере. Идеологии – религиозные и социальные – могут стать прибежищем для всех, кто устал от цинизма повседневности. В условиях, когда в информационном пространстве ширятся формы некоммерческого сотрудничества между людьми, появляются все новые способы обойти ловушки монополистов – производителей информационных продуктов и сделать их общедоступными, идеи социального равенства на самом деле уже все меньше выглядят доктринерскими.

Диагноз миру постмодерна, в котором все идеалы одинаково равны и одинаково пусты, можно сформулировать следующим образом: «Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова». Еще один французский мыслитель, Жиль Липовецки, автор исследования природы современного индивидуализма «Эра пустоты», несмотря на констатацию того же факта, все же надеется на «ответственный индивидуализм»: «Потребление не может дать нам все, и постепенно понимание этого снова возвращается к людям. В частности, потребление не может дать нам ощущение полезности». Постмодернистская свобода от заданных точек отсчета, от рамок любого канона – логического, эстетического, этического, может быть и приемлема как абстрактный философский конструкт, но не на уровне реальной повседневной жизни, где каждый вынужден искать эти ориентиры. Как ни странно, идеал социализма, если его можно так назвать, вновь может оказаться востребованным. Этому находят самые неожиданные подтверждения.

НАДЕЖДА НА «СОЗНАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ»

Патриция Эбурдин – известный американский футуролог и соавтор футурологических бестселлеров «Мегатренды», каждый из которых предсказывал наиболее важные социальные и экономические тренды предстоящего десятилетия. Надо сказать, что еще в 80-е годы «Мегатренды» многое действительно предсказали в отношении только набравшего силу

информационного сектора в экономике, а в 90-е – лавинообразный рост интернет-технологий и их роль в постиндустриальном мире. В прошлом году Эбурдин выпустила «Мегатренды-2010», с подзаголовком «The Rise of Conscious Capitalism» – «Восход сознательного капитализма». Что же это за новый капитализм, который уже появляется, и в чем его сознательность? По мнению Эбурдин, нынешние проблемы в экономике – рецессия, кризисы, корпоративные скандалы в экономике США, а на уровне индивида – безработица, падение доходов, терроризм, войны, вынуждают пересмотреть саму идеологию капитализма и приведут к отказу от принципа «Прибыль превыше всего». «Капитализм должен излечиться вечными ценностями – ведь он потому оказался так всемогущ, что изначально был основан на принципе справедливости и равенстве возможностей», – пишет она. Причем речь идет о чем-то намного более серьезном, чем «социальная ответственность бизнеса». Согласно классическому определению Еврокомиссии, корпоративная социальная ответственность (corporate social responsibility, CSR) является концепцией, которая отражает добровольное решение компаний участвовать в улучшении жизни общества и защите окружающей среды. Но социальная и экологическая политика компаний напрямую влияет на их объем продаж и является, таким образом, очевидной маркетинговой мерой по улучшению своего имиджа в глазах потребителей и держателей акций. Эбурдин утверждает, что знаменитые слова нобелевского лауреата, либерального экономиста Милтона Фридмана о том, что корпорация существует только для того, чтобы приносить прибыль держателям акций, – заблуждение. «Когда в мире миллионы людей не умеют читать, писать и голодают, можем ли мы заботиться только о прибыли акционеров?»

ЖАДНОСТЬ ВЕДЕТ К УБЫТКАМ

Считать, что капитализм внезапно «прозрел» и увидел противоречие между своей этикой и общечеловеческими ценностями, было бы наивно. Может быть, «акулы бизнеса» увидели, что эти ценности не мешают, а помогают получать прибыль? Быть хорошим и богатым более перспективно, чем богатым и плохим, ведь имидж, как известно, – это наиприбыльнейший актив современного бизнеса. Если можно получить прибыль в образе «хорошего парня», зачем нужен образ циничного злодея? Это действительно так, но концепция «сознательного капитализма» вполне гармонирует с прогнозами об ориентированном на социалистические идеалы «новом пролетариате». Эбурдин пишет о том, что

«собственный интерес», краеугольный камень капитализма, не нужно путать с жадностью, что занятия бизнесом нисколько не противоречат духовности, гуманитарным и религиозным ценностям. Если подобный прогноз «помножить» на прогнозы британских военных аналитиков и размышления теоретиков постиндустриализма, получается весьма интересная картина. Противоречия между новыми социальными группами – сверхбогатыми, «золотыми воротничками», «новыми пролетариями» и «низшим классом» кажутся непреодолимыми в рамках нынешних представлений о том, что богатые «делиться» не собираются, «информационных пролетариев», кроме собственной самореализации и ее оплаты, ничего не интересует, а «бедные» навсегда выкинуты с корабля общества знаний.

Шанс на преодоление этих противоречий действительно видится только в сознательной «переориентации» все большего числа людей – причем именно из «средней» и «верхней» прослойки на социогуманистические ценности.

http://www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php?ID=8180</A